

Лилия Украинец

ПАТЕРНАЛИЗМ КАК ДОМИНИРУЮЩАЯ СТРАТЕГИЯ ТОТАЛИТАРНЫХ СИСТЕМ

Проблема господства человека над человеком, в различных формах – опека, обучение, доминирование и т.д., существовала во все исторические времена и остается актуальной теперь. Несмотря на то, что наиболее яркие эпохи “расцвета” тоталитарных систем ушли в прошлое (коммунизм, фашизм), их элементы в явном или неявном виде существуют и в современных демократических обществах.

Деспотическая отцовская власть присутствовала всегда и была прерогативой не только семейных отношений. Ее черты могут проявляться в различных аспектах общественной жизни, в сфере личных, гражданских и других отношений. Целью статьи есть рассмотрение тоталитаризма как формы, включающей в себя исторически сложившееся неравенство семейных отношений отца с детьми, экстраполированное на общество. Как писал Дж.Локк: “Монарх обладает абсолютной деспотической властью над жизнью, свободой и имуществом своих детей, подданных”¹.

Дифференцируем деспотическую власть, власть одного правящего лица на: авторитарную и тоталитарную. Для ясности укажем их некоторые отличия. Выделим признаки, с помощью которых мы сможем говорить о присутствии тоталитарности в конкретном обществе. “Auctoritas” – от греческого слова “власть” – это диктатор-

ская власть одного, правителя, ограниченная рамками политической сферы. Власть при таком режиме не объемлет и не влияет на массы, на их сплоченность в отрицательном аспекте, как при тоталитарном режиме. Нет тотального контроля со стороны правящего лица над народом, людьми, власть не проникает во все сферы жизни человека (яркий пример такого правления – Пиночет). Слово тоталитаризм от позднелатинского слова “*to talis*” – весь, целый, полный. В отличие от авторитаризма, прослеживается наличие единой правящей идеологии, одной партии. Система тотально пронизывает все сферы жизни человека, народа, страны. При тоталитаризме правитель олицетворяет режим в целом, становится символом, Верховным Отцом всей системы. Для тоталитарной системы характерной чертой является стремление власть имущего, как правило, это Правитель, первое лицо в государстве, Верховный отец, *управлять* народом, людьми, нуждающимися, как младенцы, в постоянной заботе, опеке. Народ – несмышленное дитя, которое, даже если и научилось ходить с помощью Отца-Радетеля, все же нуждается в *поддержке, контроле, направлении* куда, когда, как идти, а также указания, что и каким образом необходимо делать. Следовательно, при тоталитарном режиме правит всепронизывающий контроль, отношение к народу носит форму опеки, завуалировано основанную на принципах взаимоотношений между членами “семьи”.

Для нас представляет интерес понятие “семья” не с точки зрения обыденной (малая группа людей, основанная на браке или кровном родстве, некий микромир, существующий в обществе, или, точнее, сосуществующий с обществом), но “семья” как “форма человеческой общности”, как “способ социальной жизни”².

Еще на заре истории, в эпоху рабства, которую Маркс называл “детством человечества”, слово “*familia*” применялось первоначально лишь к рабам, а не к женам и детям. “*Familus*” означало домашний раб, а “*familia*” – все рабы, принадлежащие одному господину³. Таким образом, изначально в понятие семья было заложено неравенство, истоки господства, тотальности, деспотизма. Раб – несмышленный “ребенок”, управляемый разумным господином. Как писал Руссо, “семья – прообраз политических обществ, правитель – подобие отца, народ – подобие детей”⁴.

Аристотель выделял две формы власти: *политическую* и *господскую*. Политическая власть – это власть, которую формируют свободные и равные.

Господская же власть включает в себя следующие оппозиции: отец–ребенок, муж–жена, государь–раб. Все эти отношения Аристотель объединяет, считая, что они исследуются “наукой о домохозяйстве”⁵. Власть отца над детьми уподобляется власти царя, господство же мужа над женой Аристотель сравнивает с властью политического деятеля. Подобное отношение к женщине в форме опеки, как к неразумному существу, почти ребенку, встречалось во многих культурах, а также в Афинском праве. Женщины приравнивались к несовершеннолетним детям, не имели права на завещание, не допускались к даче показаний, при наличии сыновей дочери не являлись наследницами⁶. В Древнем восточном праве в вавилонской моногамной семье господствовал муж – господин, который обладал всеми правами над женой, детьми, мог продать их в рабство, лишить жизни, мог отдать во временную долговую кабалу на несколько лет⁷.

Третьей формой власти в “науке о домохозяйстве” выступает оппозиция господина и раба. Интересна трактовка их отношений у Аристотеля: “в общении с рабами, больше, чем с детьми необходимо исполнять назидание”⁸. Раб не только уподобляется ребенку, но и нуждается в большей опеке. Таким образом, семейная иерархия по Аристотелю выстраивается следующим образом: во главе Господин–Правитель, женщины, дети, рабы. Данная формула, а точнее, ее иерархичная структура будет сохраняться на протяжении существования человечества.

Семья по Аристотелю является также неотъемлемой частью государства. Следовательно, выступает положение о том, что добродетели отдельных “частей” должны соответствовать добродетели целого. Поэтому как детей, так и женщин необходимо *воспитывать*, чтобы они соответствовали государственному строю. Исходя из вышесказанного, с точки зрения многих исследователей Аристотеля, можно говорить о том, что рассуждения Аристотеля являются классическим примером обоснования неравенства, господства над “другим” (мать, ребенок, раб), ограниченного исторически сложившим-

ся неравенством между взрослым и ребенком в рамках “семьи” как формы социального бытия людей.

Другой аспект понятие “семьи” приобретает в христианстве. В отличие от античности, происходит смещение акцентов на идею всеобщего братства.

Лишь Бог-Отец обладает единой, всеобъемлющей властью над своими “детьми”, единым вершителем судеб мира. Все равны перед Творцом. “Семья” в христианстве выходит за рамки античной “семьи” как формы общественного бытия, принимая вселенские масштабы. В ее центре – Создатель мира, Верховный Отец, посылающий благословение, благодать на своих детей. Этот период был ознаменован рассветом христианского богословия. Многие философы-богословы обращались в своих творениях к Богу как Всеобщему Отцу (Августин “Исповедь”, Ориген “О началах” и т.д.). Ф.Аквинский полагал, что божественной воле должны подчиняться все, и государь, и обычный человек.

Наряду с сотворением человека происходило и сотворение семьи, как формы жизнеустройства. И сказал Бог: “Сотворим человека по образу Нашему (и) по подобию Нашему, и да владычествуют **они**”. Бог создал лучшую форму общности – “семью”, которая, по нашему мнению, с течением времени, ростом человечества, стала расширять свои границы, и трансформироваться в различные государственные устройства. “...не только Адам, но и наследовавшие ему патриархи по праву отцовства обладали монархической властью над своими детьми”, – писал Дж.Локк⁹. Возможно именно “семье”, как первоисточнику, первой форме жизнеустройства человека и “обязана” традиция возникновения власти в тоталитарных государствах, имеющих форму опеки.

Рассмотрим Средние века на предмет государственного устройства и существовавших в то время форм управления. Несмотря на существование тогда принципа двоевластия – власть монарха присутствовала наряду с господством Церкви, “сверхчеловеческий”¹⁰ авторитет последней был на пике своего возвышения. Так, например, только патриарху принадлежало право давать разрешение на открытие нового университета. Известно, что университеты – “детища” средневековья. Под патронатом церкви возникали различные

корпорации. Церковь выступала посредником между Богом и его творениями, “детьми”.

Известный философ эпохи Возрождения Эразм Роттердамский считал, что слепая вера есть также проявление “детскости” у взрослых людей и ввергает последних в отношения организованные *по укладу* “семьи”, то есть подчинения церкви как авторитету Отца “детей” – народа. Эразм Роттердамский относился отрицательно к суевериям, связанными с христианской религией, он писал: “Утробе (церкви – Л. Украинец), конечно выгодно, чтобы суеверия в народе христианском было как можно больше, благочестия как можно меньше”¹¹.

“Семья” являлась моделью бытия различных обществ, не только прошлого, но и настоящего. Однако тираны прошлого – это невинные “дети” в сравнении с первыми лицами тоталитарных режимов последующих веков, в особенности XX века. Как писал А. Камю, в наивные времена, когда тиран завоевывал города, сметая их с лица земли, а пленников бросал на съедение хищников, мысль тирана могла оставаться спокойной, ясной. Но массовые уничтожения людей в современных обществах под знаменем свободы – “обезоруживают моральный суд”¹².

Две формы тоталитаризма – коммунизм и фашизм Камю дифференцировал как рациональный и иррациональный тоталитаризм. Известный теоретик русского нигилизма Писарев считал, что самые радикальные фанатики – дети, а Камю – народы. Россию многие философы называли юной страной без своих философских традиций, пользующейся сугубо импортными идеями. О чем также писал известный испанский философ Ортега-и-Гассет: “У молодых народов нет идей. И если в окружающем пространстве живет или угасает старая культура, они маскируются теми идеями, которые она предлагает...”¹³. “Пролетариат семинаристов” (выражение Ф. Достоевского) экстраполировал немецкую идеологию на свою неподготовленную почву. Камю тиранию России называл развитым типом государства, в отличие от иррациональной формы фашистского режима.

В современном государстве человек выступал в роли “ребенка”, игрушки, которой рационально управляют внешние силы. Кстати, об этимологии слова “ребенок”. В письменных памятниках оно

отмечается с XII века в форме *робенокъ* от корня *робА* (*∠robe*). *Робя* в древнерусском языке являлось производным от *робъ* – “раб”¹⁴.

“Ребенок” означает тот же народ в значении “раба” (управляемого). Таким образом, народ при коммунистическом режиме выступал в роли “дитяти” – того, кого необходимо опекать, учить, воспитывать согласно правящей идеологии, теми, кто рационально мыслит и рационально управляет. В массы внедрялся принцип патернализма¹⁵, идея полной зависимости существования каждого индивида от государства, заботящемся о своем “дитяти”.

Ортега-и-Гассет называл народ России молодым, незрелым, не успевшим перебродить. У “молодости” нет своих идей, и, как следствие, она экстраполирует на себя чужие. Так произошло с народом России. Как писал философ, Москва облачилась в камуфляж идеи, не принадлежащей ей, идеи марксизма – детища Европы, явившегося на свет логичным путем (на своей “почве”). Идеи Маркса, перенесенные на неподготовленную почву Российского государства, привели к неоднозначным последствиям. Произошел разрыв между социализмом реальным и социализмом теоретическим. Социализм по Марксу, это стадия в развитии общества, которая следует за капитализмом.

Процесс перехода должен проходить естественным путем, плавно, поскольку это естественноисторический процесс. Но в реалиях России 17-го года капитализм не достиг состояния зрелости, чтобы воплотить идею “полноценного” социализма. Открывшаяся возможность захвата власти была слишком соблазнительной, чтобы большевики не воспользовались ею.

Идея теоретического социализма состояла в “воспитании” народа, в его своеобразной подготовке к новой жизни правящими лицами. В итоге правительство должно было уйти, оставив самоуправляющимся народ. В реалиях России идеи Маркса были перевернуты с ног на голову. Социализм принял иную форму, форму тотальной опеки народа, представления о народе как “объекте” воздействия системы с укоренившейся патерналистской верхушкой, не желающей уступать место своему “детищу”. Поэтому, вместо самоуправления народа, предложено было управление народом со стороны пролетариата, пролетариат, в свою очередь, управляется партией.

Общество понималось как одна семья, впрочем, как и все народы, входящие тогда в состав СССР, во главе с Всеобщим отцом. Советское государство начиналось не с уничтожения церкви, а с предварительного этапа “подготовки разрушения” путем вдалбливания заклинания “мы не рабы, рабы не мы”, заучиваемое наизусть всеми – детьми и взрослыми¹⁶. Воспитанию подвергались все группы населения, представители всех поколений. Индивидуальное “Я” исчезает, на его место приходит безличное “МЫ”. Рождаясь, ребенок постепенно учиться ходить, самостоятельно мыслить, в социалистическом обществе все наоборот. Взрослые “дети” лишаются самостоятельности, собственного мышления, мнения, мироощущения. Главным компонентом тоталитаризма выступает жесткий контроль над сознанием человека, его мышлением, внутренним миром. Главная цель – научить “детей” мыслить и чувствовать коммунистически. Воспитание, исправление трудом вводилось в концентрационном лагере. Личность при этом исчезает, человек низвергается до уровня вещи¹⁷, некоего исходного материала, глины в руках “Творца”. Тотальная слепота окутывает массы, ввергая их в состояние “детскости”. Популярность различного рода лозунгов, призывов, проходящих апробацию на “детях” не имела границ. Один из таких призывов “Дадим пятилетку в три года”, как пишет А.Недель: “...садистское сознание отменяет даже те пределы, которое само устанавливает¹⁸. Биологическая данность ребенка такова, что, находясь в раннем детстве, он не осознает себя как субъекта, субъекта познающего, рефлектирующего на мир, существующего в реальном настоящем. К осознанию себя как субъекта он приходит позже. В тоталитарной системе происходит обратный процесс, возврат “назад”, человеческое “Я” разрушается под воздействием запретов извне. В результате чего объект воздействия превращается в “не-субъекта”, во “взрослого ребенка”.

Теперь “Я”, как некий знак, не совпадает с тем, кто его произносит, оно трансформируется в то, что ему не принадлежит. В тотальном сознании “Я” – “другой” сливаются, пронизывая друг друга. Постепенно оно превращается в ничто, “пустоту”¹⁹. Этот “пустой объект”, как ребенок, “зомби”, живет в своем ирреальном мире, идет по нарисованной кем-то дороге на чужой карте, с чужими пра-

вилами, становясь жертвой. Но жертвой уникальной, восхваляющей своего Верх-Радетеля. Как писал Камю, происходит “восхваление палача жертвами”²⁰. Особенно восхваляется бездомность, культ сирот достигает своего апогея, пропаганда создает ореол безграничной заботы государства, всеобщего Отца к сиротам, особенно к тем, у кого не было родителей, у кого тождественность была утрачена. Те же, кто имел родителей, корни, искусственно превращаясь в несубъекта, должны остаться сиротствующими и бездомными навсегда, режим позаботиться обо всех и вся.

Фашизм же, по определению Камю, “отказавшись обожествить разум”, представлял собой иррациональную часть тоталитаризма²¹. Гитлер, как и другие тираны XX века, претендовали на всемирное господство. Государство ассоциировалось с аппаратом, во главе которого Верховный деспот, сын своего народа, претендовавшего на всемирное господство. Детство Гитлера, о котором он пишет в “Mein Kampf”, представляет интерес как демонстрация модели “семейных” отношений, перенесенных в последствии на общество. Семью Гитлера (сына мелкого чиновника) нельзя было назвать обеспеченной, благополучной, хотя он пытается придать ей более высокий ранг, называя “семьей помещика”, чего в действительности не было. Желание иметь добропорядочного отца, сохранилось у Гитлера с детских лет: “Отец был добросовестным государственным чиновником, мать ... занималась домашним хозяйством”²². В действительности отец – старый пьяница, домашний тиран, вызывающий ненависть и отвращение, в то время как о молодой матери у Гитлера сохранились наилучшие воспоминания. В последствии отношения к родителям вышли за рамки только семейных, приняв “болезненные размеры”, стали носителями определенной модели отношений, перенесенной на целые народы, которые стали символизировать его отца и мать. Как писал Э. Эриксон: “Первая глава “Mein Kampf” является произвольной исповедью Гитлера об Эдиповом комплексе”²³.

О немецком народе Гитлер писал как о ребенке, которого необходимо воспитывать: “Давайте воспитывать немецкий народ с самого раннего возраста...”²⁴. Ведущую роль в воспитании народа он отводит пропаганде, прессе же отводится роль “просветителя”, что-то

вроде школы для народа²⁵. Геббельсовска пропаганда базировалась на четырех основных законах:

- упрощения;
- вдалбливания, повторения;
- нагнетания;
- ограничения материала.

С одной стороны, такая методика “работы с народом” иллюстрирует отношения, организованные по принципу фамилизма²⁶. Главная задача нацизма – “вернуть каждого к истокам, в царство Матерей”²⁷, здесь используется, как и в советском тоталитаризме, принцип обратного действия, “движение “назад”, к “Матерям”, возвращение их в “детство”, состояние “детскости”, первобытности, безумной управляемости. Основной метод для достижения главной задачи – тотальное обращение в истинную веру, в случае сопротивления – уничтожение. Иррационализм гитлеровского тоталитаризма состоит в полном разрушении личности, превращение человека в “действующую модель”.

Что же касается отношения к детям, то в нацисткой Германии деторождение поощрялось пособиями, активной пропагандой. Взрослые люди – средство для воспроизводства потомства, нового поколения, не отягощенного идеями, компромиссами. “Немецкий мальчик, не забывай, что ты немец, а девочка, помни!, что ты должна стать немецкой матерью”²⁸.

Особое внимание уделялось обработке детей и подростков молодежными организациями: Юнгфольк, Гитлерюгенд. Гитлер же – возвеличенный всеобщий Отец, дети рождались во имя Фюрера и для него. Иррационализм фашизма в том, что террор был направлен как внутрь страны, так и во вне, выйдя за рамки всего человеческого. Несмотря ни на что, Гитлер выносит приговор своему недостойному “детищу”, отказавшись сдаться и уберечь немцев от полного уничтожения: “Если немецкий народ не способен победить, он не достоин жить”²⁹.

Таким образом, “семья” являлась не только первоисточком, но и моделью, перенесенной на общество, проявляющейся в воспитательных отношениях Верховного Отца с его “детьми” – народом. Подобная модель не ограничивается рамками прошлого.

Заформализованность традиционных форм демократии привели к ее кризису, проявлениям разного рода элементов тоталитаризма в современных демократических обществах. Господство в форме опеки, управление, разнородные манипуляции не сдают свои позиции, хотя и становятся все более скрытными, изощренными. Так, например, американский исследователь Алан Вульф считает, что для того, чтобы государство могло манипулировать сознанием граждан, достаточно превратить народ в общество потребителей, это помогает тормозить классовое сознание³⁰.

Очень точное определение, на наш взгляд, характеризующее состояние, в котором пребывает большинство людей в Украине. Нескончаемый поток рекламы товаров, услуг, тенденция к манипуляционным действиям со стороны СМИ. Взгляд обывателя направляется в манящий туман искусственного света супермаркетов, обладатель такого взгляда – легкая добыча “идеологических репрессий”. Мир материального поглощает обывателей. Современные технологии способствуют возникновению и развитию новых форм социального контроля. Вспомним четыре закона геббельсовской пропаганды и переложим их на современный лад. Чтобы реклама была эффективна, она должна:

- быть упрощенной (чтобы мог понять и ребенок);
- повторяться часто;
- использовать нагнетание;
- компактно (ограниченно) подавать материал.

Со стороны государственного аппарата распространяться такие формы контроля как:

- прописка;
- паспортный режим;
- тайная полиция;
- тотальный сыск³¹.

Яркий пример “семьи”, как способа ведения государственных дел – Россия президента Ельцина. Однако тоталитарность присутствует и в “благополучной” Америке. Все социальное в современном мире пронизано моделью семьи, семейных отношений, исторически сложившихся типов неравенства: мафия – семья, римско-католическая церковь во главе с Папой. Подобные примеров бесконечно

много, их невозможно охватить рамками одной статьи.

Таким образом, проблема господства над людьми, доминирования человека над человеком, различного рода неравенства и манипулирования, построение общества по принципу патернализма сохраняется и в современных условиях, актуальна на современном этапе развития общества.

¹ Локк Дж. Сочинения в 3 томах. Том 3. – М.: Мысль, 1988. – С.146.

² Халландер П. Антиамериканизм рациональный и иррациональный. – СПб: Лань, 2000. – С.12.

³ Маркс К., Энгельс Ф. О воспитании и образовании. В 2-х томах. Том 2. – М.: Педнаука, 1978. – С.118.

⁴ Руссо Ж.Ж. Педагогические сочинения. Том 1. – М.: Педнаука, 1981. – С.8.

⁵ Аристотель. Сочинения в 4 томах. Том 4. – М.: Мысль, 1983. – 830 с.

⁶ Кучма В.В. Государство и право древнего мира и средних веков. В 2-х частях. – Волгоград: Издательство ВГУ, 2001. – 548 с.

⁷ Там же.

⁸ Аристотель. Сочинения в 4-х томах. Том 4.

⁹ Локк Дж. Сочинения в 3-х томах. Том 3. – С.145.

¹⁰ Франк С.Л. Философские предпосылки деспотизма // Вопросы философии. М.: Наука, 1992. – №3, С.122.

¹¹ Эразм Роттердамский. Философские произведения. – М.: Наука, 1986. – С.13.

¹² Камю А. Бунтующий человек. – М.: Политиздат, 1990. – С.120.

¹³ Ортега-и-Гассет Восстание масс. – М.: Изд. АСТ, 2001. – С. 129.

¹⁴ Краткий этимологический словарь русского языка. – М.: Просвещение, 1971. – С.386.

¹⁵ Шкода В.В. На пути к гражданскому обществу. – Харьков, 2002. – С.9.

¹⁶ Папаян Р.А. Христианские корни современного права. – М: НОРМА, 2002. – С.51.

¹⁷ Камю А. Бунтующий человек. – С.303.

¹⁸ Недель А. Размещаясь в неизбежном. Эскиз сталинистской метафизики детства // Логос. – 2003. – №3.

¹⁹ Там же.

²⁰ Камю А. Бунтующий человек. – С.310.

²¹ Там же.

²² Гитлер А. Моя борьба. – М.: Витязь, 2002. – С.9.

²³ Эриксон Э. Детство и общество. – М.: Летний сад, 2000. – С.320.

- ²⁴ Гитлер А. Моя борьба. – С.96.
- ²⁵ Там же. С. 73.
- ²⁶ Шкода В.В. На пути к гражданскому обществу. – С.15.
- ²⁷ Камю А. Бунтующий человек. – С.259.
- ²⁸ Гитлер А. Mein Kampf. – С.14.
- ²⁹ Камю А. Бунтующий человек. – С.262.
- ³⁰ Халландер П. Антиамериканизм рациональный и иррациональный.
– С.207.
- ³¹ Шкода В.В. На пути к гражданскому обществу. – С.46.